
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СЛОВЕСНЫХ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.М. Линникова

«ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ» В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА*

L.M. Linnikova

«Ride to the island of love» by V.K. Trediakovsky
and the formation of the Russian literary language

Начало XIX в. – один из самых важных и сложных периодов в истории русского литературного языка. К этому времени относится становление единого литературного языка на национальной основе, устанавливаются грамматические нормы. Поиск путей развития русского литературного языка в это время был ознаменован бурной полемикой о «старом» и «новом слоге». Эта полемика занимает центральное место в русской культурной жизни того времени, приобретает широкий общественный смысл, отражает политические и религиозные проблемы. Размежевание с церковнославянской языковой традицией, отталкивание от церковнославянского языка выдвигает требование писать «как говорят» (т.е. установку на разговорное употребление). В результате разговорная речь оказывается включенной в сферу литературного языка.

* Линникова Л.М. «Езда в остров любви» В.К. Тредиаковского и становление русского литературного языка // Литература в системе культуры: К семидесятилетию профессора И.В. Кондакова. – М.: АСОУ, 2017. – С. 124–131.

Антитезой к требованию писать «как говорят» выступает требование писать по правилам, т.е. установка на разговорную речь противостоит установке на грамматику. На русской почве это связано с противопоставлением церковнославянского и русского языков. В ходе языковой полемики, отражающей борьбу этих противоположных установок, и вырабатываются нормы русского литературного языка.

Требование писать «как говорят» знаменует решительный отказ от предшествующей культурной и языковой традиции. Это требование принято связывать с именем Карамзина. Но карамзинская концепция литературного языка имеет предшественников. Центральной фигурой в этом отношении оказывается Третьяковский, который предвосхитил как языковую программу карамзинистов, так и программу их противников шишковистов. В.Г. Третьяковский – первый собственно филолог. Ему принадлежит ряд важных теоретических выступлений по проблемам русского литературного языка. Свои идеи он реализовал на практике в переводческой деятельности. Филологическая деятельность Третьяковского началась со смелой языковой реформы: он отказался в художественной литературе от господствовавшего в ней церковнославянского языка и стал писать «почти... простым русским словом».

В 1730 г. Третьяковский печатает перевод романа Поля Тальмана «Езда в остров любви». Эту публикацию необходимо рассматривать как в теоретическом, так и практическом аспекте. С одной стороны, в предисловии к роману изложена программа реформирования русского литературного языка. С другой стороны, сам перевод романа является попыткой реализовать эту программу.

Для понимания языковой позиции Третьяковского необходимо рассмотреть предисловие к переводу. Здесь Третьяковский сообщает читателю, что книгу П. Тальмана он «...не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, т.е. каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенский у нас есть язык церковной, а сия книга мирская. Другая: язык славенский в нынешнем веке у нас очень темен, а многия наши читая не разумеют, а сия книга есть сладкая любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третий: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, т.е., что язык славенский ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми...» (цит. по: с. 126).

Поскольку ключевая тема «сладкая любовь», для передачи новой темы и новых понятий от переводчика потребовался отказ от церковнославянского языка, который связан со старой книжной традицией, и разработка нового светского литературного стиля. Объясняется это тем, что церковнославянский язык для Тредиаковского – это другой язык, отличный от русского.

Другой составляющей программы Тредиаковского, изложенной в предисловии к роману, была ориентация на западноевропейскую традицию. Сознательно ориентируясь на западноевропейскую языковую ситуацию и искусственно перенося ее на русскую почву, он пытается создать литературный язык такого же типа, что и западноевропейские литературные языки. Так, в «Слове о витийстве», написанном в этот же период, Тредиаковский говорит о достоинствах французского языка как «приятнейшего, слатчайшего, учтивейшего и изобильнейшего» из всех европейских языков и призывает к переводам с европейских языков как средству очищения русского языка.

Эта сознательная ориентация на западноевропейскую языковую ситуацию и обуславливает у Тредиаковского требования сближения литературного языка с разговорной речью.

Язык перевода романа в некоторой степени приблизился к разговорной речи его времени. Однако подробный анализ языка показывает, что Тредиаковский отказался не от употребления церковнославянизмов (они в переводе есть), а от церковнославянского книжного языка как системы художественно-изобразительных средств.

Утверждение, что роман переведен «самым простым русским словом», может быть отнесено только к прозаической части романа. Стихотворная и прозаическая части романа резко противопоставляются в лексической и синтаксической организации: в первой больше церковнославянских лексических и грамматических элементов, устаревших местоимений (*тот, та*) вместо личных.

Выступая против славянизмов вообще, Тредиаковский признает возможность их употребления в поэтической речи: стилистически нейтральные славянизмы употребляются им без ограничения (*око – глаз, перст – палец*). Прозаический текст, в свою очередь, изобилует несвойственной стихотворной части сниженной лексикой (*бабища, дурковатый, жонка* и др.) и содержит меньшее количество иноязычных и устаревших грамматических конструкций. Тредиаковский осмысливает прозаическую речь как легкую, «простую», рассчитанную

на непосредственное читательское восприятие, а стихотворную – как «темную», затрудненную.

Язык перевода характеризуется смешением и столкновением русских разговорных форм с церковнославянизмами, грубого просторечия с галантными заимствованиями. Однако филологическая позиция раннего Третьяковского позволяет рассматривать ее как исток поздней их языковых концепций (в частности, концепции Н.М. Карамзина), связанных с намеренным противопоставлением нового русского литературного языка и церковнославянского.

Э. Ж.